

с XV в. литературное общение между чехами, с одной стороны, и украинцами, белоруссами и русскими, с другой, постепенно возрождается, хотя и не достигает той интенсивности, какая наблюдалась в киевские времена. «Наименее активными, — пишет А. В. Флоровский, — и по времени наиболее поздними были чешско-русские связи, в которых принимала участие собственно севернорусская ветвь восточных славян, наиболее отдаленная и территориально, и культурно-политически от Чехии. Главную долю участия в развитии этих связей нужно отнести за счет южной и западной ветвей восточнославянских».⁸ Цитированное высказывание относится к чешско-русским отношениям, рассматриваемым с самой общей точки зрения. Что же касается связей литературных, то можно, как нам кажется, говорить о их постепенном усилении с XV в. Свидетельством этого является продвижение чешских памятников из областей украинской и белорусской на восток, в Московское государство (повесть о королевиче Брунцвике). Показателем не может служить только активность или объем связей, необходимо учитывать и территориальное распространение переводов с чешского.

Последняя по времени и первая специальная книга по чешско-русским литературным связям — работа Гелены Прохазковой «По следам давней дружбы. Главы из чешско-русских литературных связей до конца XVII столетия».⁹ По собственному заявлению автора, высказанному в предисловии, специальное внимание уделяется XVI и XVII вв., так что эта книга приобретает для нас особенный интерес. Оставляем в стороне те главы работы, которые освещают чешские отклики на русские события XVI—XVII вв., — они имеют скорее историческое значение и выходят за рамки нашей темы.

Из явлений, связанных с переходом на Русь в XVII в. чешских памятников, Г. Прохазкова затрагивает повесть о Брунцвике, «сомнительную» повесть о Василии Златовласом, вопрос о русских версиях «Римских деяний» (в приложении к книге приводятся таблицы с поглавным сравнением чешских, немецких, польских и русских текстов «Римских деяний») и, кроме того, статью «О Чешском королевстве кроника», читающуюся в западно-русском Хронографе (об этой части книги и о разборе «Василия Златовласого» см. ниже).

Как видим, круг памятников, рассматриваемых Г. Прохазковой, невелик. К тому же, «Брунцвику» и «Василию Златовласому» отведено в общей сложности всего лишь около восьми страниц. Исследование повести о Брунцвике — важнейшего факта чешско-русских литературных взаимоотношений в рассматриваемый период — не вносит ничего существенно нового по сравнению со старыми работами М. Петровского и И. Поливки. Наиболее интересная и самостоятельная часть исследования — раздел о «Римских деяниях» — касается скорее связей польско-русских, хотя может принести пользу и при выяснении литературной истории памятника в чешской среде.

Г. Прохазкова поставила своей целью создать популярную книжку. От работ такого рода было бы излишним и неправильным требовать во всех случаях каких-то новых сравнительно с предшествующими исследованиями наблюдений, тщательной разработки каждой проблемы и т. д. Но мы вправе ожидать от автора по возможности полной и четкой картины

⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. XIII.

⁹ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství. Kapitoly z českoruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959. См. также нашу рецензию: Книга о чешско-русских литературных связях старшей поры. — Русская литература, Л., 1960, № 1, стр. 238—240.